

Вы меня уже не вспомните.
Но зачем и для чего
Моё сердце грустью полните,
Надрываете его?

Не коснувшись вашей памяти,
Я горю в её огне.
Вы живёте и не знаете,
Что живёте вы во мне.

Приложила все старания
Ваша новая родня.
Но она не в состоянии
Увести вас из меня.

Вы меня уже не вспомните.
Но порой, от всех тайком,
Грустно в зеркало посмотрите
И вздохнёте ни о ком.

И опять себя обманете.
И невинно, как итог,
Только в зеркале да в памяти
Растворится этот вздох.

В нашей разноликой коммуналке
У детей особые права.
У трёхлетней белобрысой Янки
Можно на стихи занять слова.

Человечек, маленький и слабый,
Чёлочку свою смахнёт со лба;
Выдаст слово звонкое на славу –
Янка в этом деле не слаба.

Ничего не стоит человечку,
Светлому, как струйка ручейка,
В мутную мою вливаться речку...
Янка в этом смысле велика.

Только ткнётся личиком в ладони,
Грубые шершавые мои.
И они серебряной ладьюю
Проплывают по морю любви.

Ходит голубь по карнизу.
Этот местный старожил
На мою соседку Лизу
Глаз горящий положил.

Прикормили хлебной крошкой.
Разучился он летать.
Научился под окошком
Дни и ночи коротать.

«У него не глаз, а лазер –
Говорит сосед Кузьма, –
Он мою супругу сглазил
И меня сведёт с ума.

Это же не бабье дело –
У окна сидеть в тоске,
Словно пресвятая дева,
И вздыхать о голубке».

И ругает птицу Кузя,
И грозит ей кулаком.
И торчат лопатки куце –
Крылышки под пиджаком.

Ходит голубь по карнизу,
Прижимается к стене.
А мою соседку Лизу
Почему-то жалко мне.

* * *

Дерзкая, как наваждение,
Эта сердечная боль.
Детское спецучреждение.
Бритый мальчишеский строй.

Радужность лозунгов муторных
Не обольщает мой взгляд.
В детской колонии утренник.
Шефский концерт для ребят.

Слушают дети внимательно.
Гордо звучит в тишине
Песня о Родине-матери,
Самой счастливой стране.

Той, что дорогою звёздной
В дальние дали зовёт.
И одинокой берёзою
На косогоре растёт.

Зорькою ясною светится.
Колосом зреет в полях.
И никогда не изверится
В горьких своих сыновьях.

* * *

Утопая в тумане по пояс,
Окружённый тайгой с двух сторон,
Динозавр – громыхающий поезд
С боку на бок швыряет вагон.
Будто этот состав бесколёсный.
Нету рельс. Только шпалы одни.
Замедляет он ход на откосах,
Чешуёй беспрестанно звенит.
И своим металлическим басом
Оглушает таёжный простор.
Кровяным воспалившимся глазом
Смотрит в вечность седую в упор.
Как в забытую богом пещеру,
Осторожно вползает в тоннель,
Где у входа на сопке замшелой
Притулилась горбатая ель.
Едут в поезде дерзкие толки,
Изнутри сотрясая вагон.
И вцепился я в верхнюю полку,
И ногою уперся в плафон.
Карогоча, Магоча, Кувыкта.
Я таких не слышал раньше слов.
Я, наверно, не скоро привыкну
К сотрясеньям извечных основ.

А когда я уснул, успокоюсь,
Мне приснился во сне динозавр.
Он сказал: «Не похож я на поезд.
Я похож на Казанский вокзал!»

* * *

У сопки таёжный посёлок.
Сквозь облако светит луна,
Как будто уснувший лисёнок
В сияющем облаке сна.

Свернулся в клубок рыжеватый
И смотрит тревожные сны,
Которые спящим ребятам
С рождения снится должны.

* * *

Прозрачный осенний покой
Сквозит меж стволами – в пробелах.
И, кажется, можно рукой
Достать до небесных пределов.

Такой бесконечный простор,
Что лучше за ветви держаться.
Ведь если взбежать на бугор,
То можно и в небо сорваться.

* * *

Опять сиротеют деревья.
Уже потемнели леса.
Ребята, не хлопайте дверью.
Зачем сотрясать небеса?

Колючий колышется воздух.
И хрупкая гаснет трава.
И падают звонкие звёзды
С небес чудакам в рукава.

Они их до времени прячут.
И ходят печально тихи.
Везёт чудакам!

А иначе

Откуда берутся стихи?

На тёплых ладонях поэта,
Как птицы ручные гостят,
Осколки небесного света.
И рвутся рубахи в локтях.

Укатил, уехал поезд,
 Огоньки свои оставил.
 И никто не вздрогнул даже
 И в окно не прокричал.
 Крепко спали пассажиры.
 Осуждать я их не вправе.
 Потому что мы привыкли
 Спать спокойно по ночам.

И, конечно же, не сразу
 Обнаружилась пропажа.
 И заплакал спящий мальчик.
 И вздохнул старик во сне.
 Но опять никто не вскрикнул.
 И никто не вздрогнул даже.
 И последний огонёчек
 Промелькнул в ночном окне.

И на станцию другую
 Прикатил наутро поезд.
 И бравурно на перроне
 Духовой играл оркестр.
 Почему нам так приятно
 Горевать и думать после?
 И кода хорошим людям
 Врать друг другу надоест?

Про меня

За окошком склон пологий.
 За окошком я иду
 По извилистой дороге,
 Сам с собою не в ладу.

Серебрится свет в окошке.
 Дым валит через трубу.
 За забором прячьтесь, кошки,
 Ненароком зашибу!

Как же так, постой, приятель,
 Кто маячит в том окне?
 За столом сидит писатель.
 Книжку пишет обо мне.

Не везёт ему, бедняге.
 Может быть, таланта нет.
 Не выходит на бумаге
 Им задуманный сюжет.

Я кричу ему: «Писатель,
Скоро я совсем уйду.
Не поймёт тебя читатель.
Брось ты эту ерунду.

Сочинять меня не надо.
Не старайся. Вот он – я!»
Мимо речки, мимо сада
Проплывает жизнь моя.

Только он меня не слышит.
Всё мрачней день ото дня,
Пишет, пишет, пишет, пишет,
Пишет книжку про меня.

Подвал

Он сказал: «Будем биться на кровь!»
Я вздохнул обречённо: «Согласен».
Он рассёк мою правую бровь.
Я в сердцах его губы расквасил.

Мы курили в подвале тайком,
Как солдаты в окопе, чинарик.
Он со мной поделился платком.
Я ему одолжил свой фонарик.

А потом, чтоб загладить вину,
Мы бутылку вина раздавили.
Хорошо, что принёс он одну.
Мы и так хороши уже были.

Он сказал: «Я домой не ходок!
Твой отец будет жить с моей мамкой».
У меня по спине холодок
Пробежал и застрял под лопаткой.

Я сказал: «Ты домой не ходи.
Мы проспимся с тобой в этой яме
На всю жизнь, что у нас впереди.
И проснёмся навеки друзьями».